

Глава IV. Экономика самоуправления

“ Человеческие существа старались чувствовать себя как человеческие существа, а не зубцы в капиталистической машине.

Джордж Оруэлл

Испанская революция уникальна. Впервые в истории в таких масштабах практиковалась производственная демократия в индустриальном секторе. Впервые миллионы рабочих получили право на деле принимать решения, от которых зависит их жизнь, и создали социально-экономическую систему самоуправления, о работе которой можно судить по действительным результатам, а не только по намерениям.

Особенно глубокие преобразования в ходе Испанской революции происходили на северо-востоке страны, в Каталонии и в Арагоне, где их проводили анархо-синдикалисты и левые социалисты.

Фабрики — рабочим

Социальная революция, о которой анархисты, левые социалисты и коммунисты мечтали всю жизнь, началась.

В первые дни после начала войны многие лидеры анархо-синдикализма продолжали пребывать во власти апокалипсических представлений о революции как о процессе тотального разрушения, лишь после которого последует строительство нового мира. На вопрос корреспондента «Вы будете сидеть на куче руин, если победите?», Б. Дуррути ответил: «Мы всегда жили в трущобах и стенных дырах. Мы знаем, как можно со временем приспособиться к такой жизни. Но не забывайте — мы умеем также строить. Именно мы построили дворцы и города здесь в Испании и в Америке, и везде... Мы не боимся руин. Мы хотим унаследовать Землю... Мы несем новый мир в наших сердцах. Этот мир растет сейчас, в эту минуту»[428]. Устами Дуррути говорили люди, привыкшие к нищете и тяжелому труду. Для них даже пуританский образ жизни был заметным улучшением. Их вдохновляла не перспектива сытости, а ощущение справедливости и свободы. Именно воодушевление, вера в то, что революция несет освобождение, побуждали миллионы людей к самоотверженному труду, к активному участию в политической жизни, к готовности отдать жизнь за «новый

мир в наших сердцах».

Советский комбриг Алексеев подчеркивает оптимистическую обстановку в тылу: «Тыл живет полной жизнью. Торгуют магазины, гостиницы и рестораны полны людей, работают кино, театры. Идет строительная работа. Непрерывно мчатся автомобили. Настроение людей бодрое и, я бы сказал, веселое»[429].

Казалось, этот мир возникнет вот-вот. Участник анархо-синдикалистского движения Э. Понс Прадес вспоминал о своих ощущениях того времени: «Было бы достаточно сменить флаги, запеть новые революционные песни, отменить деньги, иерархию, эгоизм, спесь — столпы, на которых покоится империя денег. Так думал не только я, рядовой юнец. Так думали бойцы НКТ, которые так долго и ожесточенно боролись в своей жизни»[430].

Часто анархисты пытались «забежать вперед», ускорить полное обобществление экономики. По словам умеренного синдикалиста С. Клара, «рабочий класс продемонстрировал замечательное чувство инициативы. Но это не значит, что не было глупостей в коллективизации. Возьмите парикмахерские. Что там было на самом деле коллективизировать?... И каков был результат? Все те мелкие собственники, которые по своей воле поддержали борьбу против фашизма, повернулись против нас»[431].

17 сентября вышло воззвание НКТ с призывом охранять мелких собственников, крестьян, лавочников от произвольных конфискаций[432]. 15 ноября 1936 г. газета НКТ «Солидаридад обрера» призвала к «пониманию и уважению мелкой буржуазии»[433].

Хотя Республика формально не выступала против капитализма, а ее руководство включало либералов, активная часть общества двинулась по антикапиталистическому пути. Советский специалист докладывал: «Класс крупных и средних промышленных и торговых капиталистов экспроприирован... Никто в республиканской Испании — ни рабочие, ни коммунисты, ни левые республиканцы, ни социалисты, не считают, что в случае победы республики возможен возврат к старому порядку»[434].

Побывавший в Барселоне в декабре 1936 г. Д. Оруэлл писал: «Впервые я был в городе, где рабочий класс был „в седле“. Практически любое здание любого размера было захвачено рабочими и украшено красными флагами или черно-красными флагами анархистов... Церкви здесь и там были систематически разрушаемы группами рабочих. Каждый магазин и кафе имели надпись, сообщавшую, что они коллективизированы... Официанты и продавцы смотрели вам в глаза и обращались к вам как к равному. Холопские и даже церемониальные формы речи на время исчезли. Никто не говорил „Дон“ или „Сеньор“. Каждый обращался к каждому „товарищ“ и „ты“, и говорил „привет“ вместо „добрый день“»[435].

Много лет спустя участник этих событий рабочий-коммунист Н. Хулиан говорил корреспонденту: «Вы не представляете, как быстро массы могут организовать сами себя»[436]. Волна захватов предприятий рабочими сделала профсоюзы хозяевами экономики. Влияние НКТ резко возросло. Эмиссар Коминтерна А. Марти признавал: «Анархисты держат под своим контролем прямо или косвенно всю основную промышленность и сельское хозяйство страны»[437]. ВСТ тоже поддержал

коллективизацию. Развернулся процесс реорганизации экономики на новых началах не только в Каталонии, но и по всей Испании.

В соответствии с анархо-синдикалистской доктриной рабочие взяли предприятия в свои руки. Этот процесс назывался по-разному: коллективизация, инкаутация, синдикализация, и составлял, по мнению анархо-синдикалистов, «первый этап социальной революции». Поскольку речь шла о переходе управления предприятием из рук частного собственника в руки самих работников, то можно говорить о возникновении в Испании социалистического сектора, основанного на производственной демократии. Демократия, которую элита общества до сих пор оставляла для себя, пришла на предприятия. Это открывало возможность для постепенного развития самоуправления — преодоления социального разделения на управляющих и управляемых.

Первая волна коллективизации прошла в июле-сентябре 1936 г. Наиболее активно коллективизация проводилась в Каталонии, хотя и в других регионах Испании рабочие часто коллективизировали предприятия. Но там все же преобладал рабочий контроль над принятием управленческих решений.

Коммунисты требовали отложить вопрос о собственности на предприятия, так как в тех условиях у них не было шанса добиться широкомасштабной национализации. Но анархо-синдикалистские реформы в большей степени отвечали настроениям рабочих, а рабочие были хозяевами положения.

Первые месяцы войны и социальной революции породили огромный энтузиазм трудящихся, которые впервые в своей жизни почувствовали, что их никто не угнетает. Казалось, вот-вот наступит победа и новая счастливая жизнь. И профсоюзные лидеры, и широкие массы трудящихся считали, что страница истории окончательно перевернута, и нужно переходить к фронтальному наступлению на капитализм. «Господа, капитализм погиб, — говорил на конференции Единого профсоюза металлистов г. Алкойан председатель союза Г. Боу. — Единственной основой его существования является фашизм, а фашизм в Испании на пути к уничтожению. Профсоюз предложил всеобщую социализацию и координацию промышленности советом делегатов предприятий»[438].

Иногда всеобщая коллективизация встречала сопротивление со стороны умеренных членов НКТ. Так, например, на заседании городского совета союза мельников и булочников, обсуждавшем перспективы дополнительной коллективизации еще оставшихся частных производств, один из активистов НКТ Х. Крусас предупреждал собравшихся: «Я принимаю во внимание, что мы находимся в состоянии войны, и что наш коллективизм противоречит нашим же решениям о том, что мы должны тратить на нужды войны часть нашей энергии, и я говорю вам: иллюзии могут скоро привести к разочарованиям». Эти возражения не возымели действия, что не помешало рабочим избрать Х. Крусаса в совет своего предприятия[439].

Часто вопрос о коллективизации решался автоматически — когда хозяева бежали из зоны, охваченной революцией. «Мы столкнулись с необходимостью снова наладить работу фабрики, — вспоминает синдикалист Л. Сантакана, работавший на крупном текстильном

предприятия. — Мы призвали рабочих (в большинстве своем женщин) вернуться, и через четыре-пять дней фабрика уже давала продукцию... Мы собрали общую конференцию 2500 рабочих компании в местном кинотеатре. Группа из дюжины активистов НКТ собралась предварительно, чтобы обдумать план работы предприятия, который можно было бы предложить конференции». Поскольку 80 % рабочих принадлежало к НКТ, рабочие приняли план без бурной дискуссии. Обсудив финансовое состояние предприятия, рабочие избрали фабричный комитет из 12 человек, который включал в себя представителей цехов, техников и административного аппарата. Таким образом, комитет становился местом согласования интересов различных социальных групп предприятия, в том числе и инженерного персонала. Позднее в комитет было включено два представителя от профсоюза ВСТ[440].

Иногда хозяева были готовы продолжать работу. Но охваченные эйфорией рабочие обычно выдвигали такие требования к администрации, которые та не могла принять. И тогда следовало решение о коллективизации[441]. Крупная буржуазия в районах коллективизации перестала существовать как класс. Антонов-Овсеенко сообщал, что владельцы сбежали, убиты или трудятся простыми работниками[442].

В принципе, анархо-синдикалистские лидеры считали необходимым сохранить управленческие и инженерные кадры на предприятиях. Абад де Сантильян утверждал: «Громадное большинство специалистов и техников, работающих в промышленности, пришли в наши ряды и продолжают давать ценные услуги на коллективизированных предприятиях»[443]. Но часто старые обиды приводили к изгнанию прежних управленцев и инженеров. Тот, кто и раньше умел находить общий язык с рабочими, оставался.

На основании исследования опыта фабрики Ривьер Л. Гарридо пишет: «Наилучшим образом оказались подготовлены в смысле человеческого капитала самопровозглашенные профсоюзы, офисные служащие и техники с определенным уровнем установленной квалификации. Именно они участвовали в комитетах управления или администрации либо руководили ими, и им даже приходилось преодолевать сопротивление других работников при решении соответствующих задач... Она осуществлялась людьми грамотными, среднего возраста, хорошо разбирающимися в деятельности предприятия и имеющими приемлемую профессиональную подготовку»[444]. Таким образом, в данном случае сложившаяся система была эффективна и существенно отличалась от капиталистической, так как управленческая группа формировалась не собственником, а коллективом, и была ответственна перед ним.

Современный анархо-коммунистический исследователь В. В. Дамье утверждает: «Члены комитетов действовали в рамках обязательного для исполнения наказа от избравшего их собрания, могли быть отозваны в любой момент. Все важные решения комитетов принимались только в согласии с избравшими их коллективами»[445]. Такова идеальная модель, которой реальность соответствовала далеко не всегда. Но рабочие-синдикалисты по крайней мере стремились к этому идеалу. Как говорил выбранный глава коллектива, член НКТ Вох: «Анархия — это идеал, а сейчас нужно дело»[446].

Проанализировав опыт фабрики Ривьер, историк Л. Гарридо утверждает, что «только небольшое меньшинство работников приняло активное участие в коллективизации и управлении фабриками»[447]. Здесь испанский автор смешал «участие в коллективизации»,

«участие в управлении» и осуществление управления. В коллективизации участвовали практически все работники, но с разной степенью активности. Кто-то лишь присутствовал на ассамблеях, кто-то выступал, кто-то проводил свое мнение через более активных коллег, а кто-то регулярно участвовал в принятии решений. Важно, что выбор между этими возможностями находился в руках самого человека труда. Коллективизация предполагает получение работниками прав (которыми человек может пользоваться по мере необходимости), участие в собраниях, в распределении доходов предприятия. Производственная демократия и самоуправление вовсе не требуют непрерывного участия всех работников в принятии всех решений. Это — механизм ответственности, зависимости оперативного руководства от работников, одобрения (или не одобрения) работниками решений, которые, разумеется, готовит более узкая группа.

Рабочие советы были избраны практически на всех предприятиях Каталонии и на большинстве предприятий остальной части Республики. Каждый год их состав обновлялся. По соглашению с рабочими на их заседании мог присутствовать представитель Женералитета (под более жестким контролем Женералитета были оставлены 125 заводов)[448]. Ассамблея назначала и смещала директора. Позднее его мог сместить также Генеральный индустриальный совет Каталонии. Руководство было относительно стабильным[449].

Высшим органом на коллективизированном предприятии считалось рабочее собрание (ассамблея). Сами ассамблеи, конечно, не могли управлять производством. Первоначально на них царил хаос, так как опыта самоуправления у рабочих не было — большинство из них большую часть своей жизни даже не состояли в профсоюзах. «Каждый хотел сказать, что он или она думает и чувствует»[450], — вспоминает текстильный рабочий А. Капдевила. Позднее ассамблеи более четко организовывались синдикатами. В этих условиях на ассамблее доминировала лидерская группа, хотя сама форма ассамблей облегчала выявление реальных лидеров и обеспечивала обратную связь рабочих и руководства. Рабочие считали, что они сами принимают решения, и это обеспечивало согласие работников с этими решениями. Конференции рабочих играли мобилизующую роль, и иногда на них высказывались идеи, помогавшие менеджерам и профсоюзным лидерам находить выход в тяжелой экономической ситуации военного времени. Но главным было то, что работники признавали себя хозяевами производства, которым управляли тесно связанные с ними люди.

Большое значение в успехе производства играл энтузиазм рабочих, ощущавших себя хозяевами предприятия. Чувство хозяина привело и к появлению новой рабочей морали. Коллектив стал силой, действующей на каждого рабочего. Воровство и даже недисциплинированность воспринимались как вызов коллективу. Л. Сантакана вспоминает, что на его предприятии были установлены «черные доски», куда заносились имена провинившихся. Реакция человека, который мог попасть на эту доску, была панической: «„Нет, нет, кричал он — только не черная доска!“ Больше не было случаев недисциплинированности...»[451] Трудно сказать, смогли бы подобные стимулы стать долгосрочными. Но материальная заинтересованность также играла немалую роль, так как рабочие на ассамблее определяли принципы распределения дохода.

По мнению историка Л. Гарридо, «большинство промышленных работников (среди которых преобладали женщины или неграмотные мужчины, неквалифицированные работники, которые не принимали активного участия в трудовых и социальных конфликтах, завязанных анархо-синдикалистами до гражданской войны) были едва вовлечены в перемены, происходившие во внутренней организации предприятий, или в новую иерархию трудовых отношений. Многие работники могли воспринять такую реорганизацию промышленных сообществ как обычную смену руководства, но это не означало решение их повседневных проблем, связанных с увеличением заработной платы или обеспечением уровня жизни и меньшим объемом труда. Вне всякого сомнения, экономика войны была не лучшим условием для всеобщего признания промышленной коллективизации»[452]. Если бы автор не противопоставлял эту ситуацию аграрной коллективизации (где происходило в целом примерно то же самое), то с этой характеристикой можно было бы и согласиться. Однако это вовсе не повод для скептических обобщений. Во-первых, даже у «пассива» появились возможности и стимулы «спрашивать» с лидеров за результаты работы. Во-вторых, система коллективизации позволяла вовлекать в процесс принятия решений тех, кто был готов тратить на это свое время и энергию. Именно в привлечении «актива» заключается смысл развития самоуправления на первом этапе, пока еще не начался рост культурно-творческого потенциала «пассива». И здесь даже «скептическое» исследование Л. Гарридо показывает очень неплохие результаты: «Только 9,5 % работников Ривьер С. А. вступили в комитеты управления и администрации, и 23 % приняли „активное“ участие в коллективизации»[453]. Таким образом, почти четверть работников была активно вовлечена в процесс принятия решений только на этой фабрике. Это — качественное различие с авторитарно-капиталистической системой управления, при которой принятие решений сосредоточено в руках людей, независимых от мнения работников.

Распределение и координация

Самоуправляющиеся предприятия должны были сбывать свою продукцию, самоокупаться. Они не могли рассчитывать ни на зарубежные инвестиции, ни на значительную помощь государства. Цены в Каталонии и Арагоне, а отчасти и в других регионах, контролировались НКТ, а в обмене между синдикатами деньги, как правило, не употреблялись. Благодаря существованию разветвленной сети синдикатов удалось организовать бартерный обмен между отраслями и между городом и деревней. «Они говорили, что им нужна обувь, — вспоминал Х. Доменек. — Мы обращались к влиятельному делегату НКТ по обувной промышленности и говорили: „Завтра нам понадобится 700 пар обуви“. И на завтра обувь была у нас»[454].

Однако когда прошел первый прилив энтузиазма и начались будни, неотлаженность системы распределения дала себя знать. Как менять продукцию села на продукцию города, чтобы обмен воспринимался как справедливый и селяне не считали горожан дармоедами? Какие эквиваленты могут действовать при обмене, и как быть, если поставки задерживаются? Отсутствие ясных ответов на эти вопросы вызывало конфликты. И. Эренбург рассказывает об одном из них, когда крестьяне поставили в город 5 вагонов хлеба, и теперь хотят получить в обмен обувь и одежду[455].

Несовершенство и системные недостатки прямого продуктообмена приводили к тому, что сохранялся рынок, где сельские и городские коллективы встречались как продавцы и покупатели. Рынок не вытеснил прямые поставки, но компенсировал проблемы, возникавшие в бартерном синдикалистском распределении.

По мнению участника событий А. Переса-Барро, на территории, контролируемой анархо-синдикалистами, «капитализм не был отменен, но его роль была сведена к минимуму»[456].

«Рыночный социализм», возникший в Каталонии, вызывал протесты у части актива НКТ. Так, лидеры синдиката деревообрабатывающей промышленности заявляли: «Мы согласны с коллективизацией всех отраслей, но с единой кассой, переходя к эгалитарному распределению. С чем мы не согласны, так это с тем, что будут коллективы бедные и богатые...»[457] 8 декабря 1936 г. областной пленум ФАИ выступил против «частичных коллективизаций предприятий, являющихся прямым отрицанием духа социализации», за «социализированное распределение» против спекуляции[458].

Опасаясь «возрождения капитализма», Пленум НКТ 20 апреля 1937 г. объявил кампанию против «спекулянтов»[459]. Наступая на черный рынок, анархисты боролись с конкурентами своей системы распределения.

В феврале 1937 г. в Каталонии усилились трудности со снабжением, вызванные потоком беженцев из Малаги. ОСПК требовала централизованного распределения продовольствия[460]. Но оказалось, что это — лозунги. Департамент Женералитета, возглавляемый в это время лидером ОСПК Х. Коморерой, не нашел ничего лучше, как объявить свободу торговли. Это ударило по синдикалистской системе распределения, что больно сказалось на положении трудящихся, вызвав инфляцию. Анархо-синдикалисты протестовали, но коммунисты настаивали на своем до апреля, когда экономическая ситуация заставила их согласиться на введение карточной системы[461]. Впрочем, в Барселоне цены росли медленнее, чем в целом в Республике, а весной их рост и вовсе затормозился[462].

Коллективное самоуправление способствует росту группового эгоизма. Решения принимает коллектив, и он вполне может противопоставить свои интересы другому коллективу. Коллективы не хотят делиться с синдикатами и региональными властями своими прибылями, но, как отмечал Антонов-Овсеенко, «охотно делятся убытками, насядая на государство как в Каталонии, так и в Валенсии». Скажем, строители стимулировали спрос, требуя от властей отремонтировать здания[463].

Синдикаты имели право вмешиваться во внутренние дела коллективов для борьбы с групповым эгоизмом. Каталонский комитет ВСТ заслушал вопрос о злоупотреблениях в некоторых коллективах (завышения зарплаты, распределение предполагаемых доходов) и принял меры к их устранению и установлению персональной ответственности виновных[464].

Чтобы не допустить социального расслоения между рабочими разных коллективов, анархо-синдикалисты пытались ввести единые принципы оплаты. Так, министр-анархист

Женералитата Фабрегас добивался проведения принципа семейной оплаты в металлической промышленности, в соответствии с которым первый работник семьи получает 100 % (70 песо в неделю), второй — 50 %, третий — 25 %, далее — 10 %[465]. По мысли министра-анархиста, это должно было помочь экономить зарплату на больших семьях, члены которых работали вместе, вели совместное хозяйство, могли помочь друг другу (не будем забывать, что значительная часть пролетариата Каталонии недавно ушла из села и продолжала жить большими семьями). Сдерживание зарплаты было необходимо, чтобы остановить характерную для самоуправляющихся предприятий тенденцию к проеданию основных фондов. На эту угрозу указывается в донесении советского консульства во второй половине 1937 г.[466] Но на большинстве предприятий не пошли по пути полной уравниловки, ограничившись сближением уровней зарплат инженеров и рабочих. Так, на Испано-суйзе инженер получал около 150 песо в неделю, мастер — 125, рабочий — 100[467].

Достижением анархо-синдикалистов стало сведение к минимуму безработицы. Несмотря на обстановку экономического кризиса военного типа рабочие не увольнялись, а снижался рабочий день (в текстильной отрасли — до трех дней в неделю)[468]. Борьбе с безработицей способствовал и отток людей на фронт. Но безработица сохранялась. По данным газеты «Лавангардия», в августе 1936 г. в Каталонии было 81048 безработных (29720 — полностью, 51328 — частично)[469].

Если первоначально аскетическая мораль рабочего класса накладывала отпечаток на жизнь Барселоны, с улиц которой совершенно исчезла нарядная одежда, то со временем этот пуританизм ушел. Посетивший столицу Каталонии в январе-феврале 1937 г. Ф. Боркено писал о «возрождении мелкобуржуазных элементов» и о том, что «девушки уже не боятся надевать свою лучшую одежду»[470]. Образ жизни Барселоны в 1937 г. напоминал советский НЭП — с ресторанами и очередями за дешевыми продуктами, бедными и богатыми, но все же с поддержанием минимальных социальных гарантий и с ощущением населения, что страна стремится к социализму. В отличие от СССР это стремление подкреплялось и реальными правами, которые рабочие имели в принятии производственных решений на своих предприятиях, в профсоюзах и партиях.

* * *

Серьезной проблемой для коллективизации была позиция государств Запада. Ведь Республика искала поддержки с их стороны, а конфискация предприятий, принадлежавших иностранному капиталу, никак этому не способствовала. После коллективизации завода Форда в Барселоне последовали протесты американского правительства[471]. Тогда НКТ выпустила список восьми британских компаний, предприятия которых не подлежат отчуждению[472]. Лидеры революции понимали, что конфликт со всем внешним миром чреват быстрой экономической катастрофой. «Если сырье приходило из-за границы, — комментирует Х. Томас, — (а хлопок, использовавшийся на фабриках Барселоны, шел из Египта), фабрикам приходилось торговать с капиталистами»[473].

Министр-анархист каталонского правительства Абад де Сантильян в интервью газете «Дженераль коммерс» разъяснял, что НКТ не выступает за автаркичную экономику: «Наше намерение — делать все возможное, чтобы покровительствовать обмену с другими нациями». Заводы «Дженерал моторс» производят грузовики из испанских материалов. Возобновлен экспорт с оловянных рудников Бельмунт, Осо, Мола, Марторель. Экспортируется медь, найден цинк, который тоже может быть направлен на внешний рынок. Вовлечение в международную торговлю способствует успеху коллективных предприятий. Рудники уже отдают займы государству[474].

Если интересы иностранного капитала были ущемлены, то Абад де Сантильян считает возможным исправить ситуацию: «Мы признаем все обязательства, сделанные с заграницей»[475].

По декрету 23 февраля 1937 г., в случае участия в предприятии иностранного капитала было необходимо получить разрешение Совета министров на его экспроприацию, что затрудняло ее.

Каталония продолжала активно торговать с внешним миром: ввоз в октябре-декабре 1936 г. составил 42 млн песет, вывоз — 30 млн песет. При этом в статистику не попала часть вывезенного продовольствия[476].

Центральное правительство сохраняло в своих руках валютные резервы, что давало ему контроль над импортом и финансовой системой. Первое время правительство отказывалось кредитовать промышленность Каталонии, за что критиковалось на региональном пленуме НКТ в сентябре 1936 г.[477]. Только войдя в правительство, НКТ получила доступ к рычагам экономического регулирования, без которых республика, во всяком случае пока, не могла обойтись.

* * *

НКТ стремилась как можно скорее объединить все производства в единый организм, чтобы устранить конкуренцию между рабочими. Секретарь союза стекольщиков Х. Доменек так разъяснял эту идею представителям коллективов, которые теперь сами стали работодателями: «Хорошо, сеньоры, вы — работодатели, и мы с Вами находимся в водовороте революции. Сейчас, если мы так считаем, это то же самое, что всем сесть за руль одной машины, и тогда эта машина разобьется... Сейчас вы как работодатели конкурируете между собой самым нечестным и незаконным образом». Х. Доменек критиковал стекольщиков за производство ненужной продукции, борьбу за сырье и т. д. «Это не должно далее продолжаться». Он призвал подписать документ о синдикализации производства, что вызвало протесты части собравшихся, так как рабочие не хотели «кормить лодырей», которые работают на менее прибыльных предприятиях. Но Доменек предложил систему экономического стимулирования, которая удовлетворила большинство. По его мнению, было необходимо произвести инвентаризацию, в зависимости от результатов которой распределять прибыль: «Тем, кто оказывается прибыльными, мы будем доплачивать каждые три месяца 10 % от среднего дохода, а кто будет в убытке — увы».

Таким образом, практики анархо-синдикализма отступали от уравнилельных принципов, чтобы заинтересовать рабочих в синдикализации. Но больше энтузиазма вызывали мечты о будущем: «Я сказал им, что скоро мы будем строить дома из стекла, что скоро все уличные надписи будут из стекла, и так далее»[478].

Синдикалисты стремились к более строгой координации работы предприятий, к безденежному товарообмену, к созданию общей статистики и планирования. Но в условиях самоорганизации коллективов их можно было включить в широкую систему планирования только добровольно. Необходимые функции общей координации выполняли профсоюзные структуры и Экономический совет Каталонии, созданный 11 августа. Большинство мест в нем получили НКТ и ФАИ (5 членов), и по одному — ВСТ, Женералитат и ПОУМ. Совет претендовал на регулирование производства, однако мог делать это прежде всего через профсоюзы, рекомендуя производить ту или иную продукцию, договариваясь о поставках, настаивая на трудоустройстве безработных.

В сентябре Экономический совет опубликовал программу своих действий:

- «1. Нормализация производства в соответствии с размерами потребления,
2. Контроль национальной внешней торговли,
3. Коллективизация крупной земельной собственности и соблюдение прав мелких землевладельцев,
4. Снижение квартплаты,
5. Коллективизация крупной промышленности, общественных предприятий и транспорта,
6. Секвестр и коллективизация предприятий, брошенных владельцами,
7. „Усиление кооперативного принципа в области распределения продуктов и особенно эксплуатации оптовых торговых предприятий на кооперативных началах“.

Пункты 8-11 предусматривали контроль над банками, рабочий контроль на частных предприятиях, вовлечение безработных в производство, электрификацию Каталонии, упразднение, по мере возможности, косвенных налогов[479]. Если не считать электрификацию, которая представляла собой длительный процесс, вся эта программа была выполнена в течение ближайших месяцев. В Каталонии и прилегающих областях после коллективизации стал преобладать кооперативный социалистический сектор экономики.

В октябре развернулась вторая, более систематическая, чем летняя, волна коллективизации. Было принято решение объединенного пленума НКТ и ФАИ: „Рабочие всех отраслей промышленности должны немедленно приступить к секвестру (здесь — конфискации — А. Ш.) всех предприятий путем их коллективизации. Это должно быть проведено в кратчайший срок, после чего избирается рабочий совет, который будет управлять промышленностью при помощи соответствующего технического персонала. В случае отсутствия такого персонала обращаться с заявками в технический контрольный комитет Национальной конфедерации труда. В состав совета должен быть привлечен представитель от Экономического совета“[480]. Таким образом, в октябре коллективизация

планировалась уже как создание системы, в которой предприятия связаны с Экономическим советом.

24 октября 1936 г. Женералитат Каталонии декретировал коллективизацию большей части промышленности региона. Коллективизации подлежали предприятия, на которых было занято свыше 100 человек. Остальные предприятия также могли быть коллективизированы по особому решению рабочих. Несмотря на то, что декрет не требовал коллективизации мелких предприятий, фактически и они перешли под контроль синдикатов[481].

Предусматривалась единообразная система самоуправления: коллектив избирал совет, а совет — директора. Декрет легализовал около 2000 уже работавших коллективных предприятий и распространил принципы производственной демократии практически на всю промышленность Каталонии. Авторы декрета провозглашали: „Победа людей должна означать смерть капитализма“[482]. Этим декретом был юридически оформлен и приведен к общему знаменателю фактически прошедший с июля процесс захвата предприятий их коллективами. Рабочие приобрели уверенность в легальном статусе своих прав на предприятия, что создало дополнительные стимулы к труду. Предусматривалось, что предприятия будут координироваться отраслевыми советами.

Декрет о коллективизации был компромиссом различных политических сил. Идеалом НКТ с ее теорией анархического коммунизма была „единственная и неотчуждаемая собственность социального организма, осуществляемая при посредстве производящего класса, и в том числе организмов, которые объединяют производителей — синдикаты“[483]. Эта формулировка из циркуляра секретаря Национального комитета НКТ по экономике М. Роселя обосновывала соответствие практики фактической передачи собственности в руки синдикатов и коллективов идеям анархо-коммунизма. Рабочие должны помнить — они лишь представляют интересы рабочего класса в целом и не должны „тянуть одеяло на себя“. В перспективе — социализация, превращение коллективизированных предприятий в часть единого организма, организованного как сеть самоуправляющихся коллективов.

Партии, входившие в Экономический совет, выступили против полной социализации. По словам А. Капдевиллы, участвовавшего в этой дискуссии, „причина, по которой НКТ согласилась на коллективизацию, было то, что мы не могли добиться социализации, которая была нашей целью“[484].

Однако против социализации выступали не только партии, но и часть синдикатов. В сентябре 1936 г. на заседании пленума Каталонского комитета НКТ разгорелась дискуссия между сторонниками социализации и кооперативизации. Социализация предполагала передачу фабрик в руки синдикатов, которые регулировали бы их работу. Кооперативизация сохраняла права владения за коллективами, которые сами могли бы распоряжаться капиталом фабрики. Крупные синдикаты отстаивали первый вариант, мелкие тяготели ко второму. После двухдневной работы согласительной комиссии был выработан компромиссный вариант, выдвинутый членом Женералитата от НКТ и председателем Экономического совета Каталонии Х. Фабрегасом. Участник согласительной комиссии Х. Феррер так характеризует смысл соглашения: „Каждая коллективизированная фирма сохраняет свой индивидуальный характер, но при условии вступления всех предприятий

данной отрасли в федерацию"[485]. Таким образом, за предприятиями сохранялась широкая внутренняя автономия, но они все же должны были войти в систему экономического регулирования.

Анархисты всячески сопротивлялись унификации внутреннего устройства предприятий и форм их взаимоотношений с синдикатами и регулирующими органами. Особенно последовательно против унификации выступал экономический советник (министр) Женералитата Д. Абад де Сантильян, сторонник „автономии и спонтанности работы“[486]. Рабочие советы, созданные на предприятиях, тоже часто сопротивлялись вступлению в федерацию[487]. Организации ФАИ критиковали возникающий социалистический сектор за бюрократизацию[488]. Но большинство коллективов предпочитали участвовать в общей системе регулирования, которая обеспечивала большую стабильность, снабжение сырьем, социальную поддержку синдикатов.

В октябре 1936 г. была создана новая регулирующая надстройка — Генеральный индустриальный совет, в который вошли представители профсоюзов, Экономического совета, совета предприятий и Женералитата. При Генсовете были созданы фонды, призванные сбалансировать развитие разных предприятий и областей. 50 % прибыли предприятий шло в фонд торгово-промышленного кредитования, 20 % — в резервный фонд, 15 % — на социальные программы коллективов и 15 % распределялись по решению рабочих собраний. На крупнейших предприятиях избрание директора должно было быть одобрено Экономическим советом. Совет предприятий и Генеральный индустриальный совет планировали производство с целью добиться его максимальной социальной эффективности и ограничения конкуренции. Генеральный совет также обеспечивал связь с внешними рынками, взаимодействуя с правительством Испании. В случае если какой-либо из субъектов этой системы выступал против решения Генерального индустриального совета, он мог апеллировать к советнику по экономике Женералитата[489].

Главные решения в этой системе принимались не в „надстройке“, где предполагалось согласование разных интересов, а на уровне предприятий и синдикатов. НКТ стремилась выстроить самоуправление и синдикалистские органы в стройную систему в масштабах всей Испании. 20 апреля 1937 г. пленум НКТ решил создать Конфедеративный орган экономического регулирования. Проект конкретной структуры представила каталонская организация. В нем говорилось: „Первое. Промышленный синдикат будет состояться из территориальных организаций на сессиях, которые представляют различные специальности и подразделения труда в каждой отрасли, синдикальном комитете, фабрике, мастерской, деревне, шахте, и, наконец, в каждом пункте производства и распределения... Второе. На месте труда или центра производства трудящиеся назначают различных товарищей, которыми создается фабричный комитет, который осуществляет профсоюзный контроль, идеологическую ориентацию и отношения, разрешает моральные конфликты, (поддерживает) нормы гигиены и безопасности на производстве“, посылает делегатов на пленум синдиката. Как видим, синдикалисты стремились к созданию сетевой структуры, где пересекаются территориальные и отраслевые интересы.

Синдикат создает административный совет из представителей секций, который формируется на Генеральной ассамблее. Региональная федерация формируется из

представителей синдикатов. В ее комитете и секретариате должно быть сохранено равноправие различных отраслей путем ротации руководства. Национальный комитет должен формироваться на национальном съезде или референдуме организаций. Региональные и национальный комитеты создадут советы по экономике, контролю и статистике соответствующего уровня. „Главная задача этого совета — установить общую статистику для всех отраслей федерального региона, техническую организацию, административный контроль, распределение труда, компенсацию и взаимопомощь между отраслями, регулирование заработной платы там, и всех тех аспектов, которые имеют большее или меньшее отношение к общему интересу, также как и к порядку производства и распределения всех отраслей“[490]. Таким образом, стратегия социальных преобразований НКТ была основана на идее общества, которое развивается не хаотически, которое регулирует себя, но не через государственную бюрократию, а через демократические сетевые организации трудящихся, которые создают делегированные органы координации экономики.

Сделали максимум возможного

Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, вызванную войной и расколом страны, коллективизированная промышленность не допустила резкого падения производства. Добывающая и продовольственная промышленность особенно зависели от зарубежных рынков, и по ним ударил разрыв с Италией и Германией и особенно морская блокада. Как отмечают испанские авторы, „с сентября 1936 г. возник недостаток хлопка, джута и текстильного сырья в целом, а также бумаги; в октябре прекратились поставки для химической промышленности, с ноября перестало хватать фосфатов для удобрений. В том, что касается энергоносителей, то нехватка угля возникла с октября 1936 г., и он был заменен лигнитом; нехватка тяжелых масел возникла с ноября того же года. Трудности с поставкой бензина появились в октябре 1936 г. и усилились в мае 1937 г., а в середине 1938 г. бензин полностью исчез... Негативно повлияла на коллективизированную текстильную отрасль потеря большей части внутреннего рынка, куда до войны поставлялось 75 % каталонского производства хлопковых тканей и 79 % — шерстяных тканей“[491].

И в этих тяжелейших условиях, с июля по декабрь 1936 г. производство промышленности Каталонии упало на 29 % и стабилизировалось до июня 1937 г.[492] (когда началось силовое разрушение синдикалистской системы противниками анархистов).

А вот металлургическое производство Республики после коллективизации выросло.

Если принять за 100 % средний уровень производства металлургии Каталонии в первой половине 1936 г., то в сентябре оно составило 105,1 %, в октябре — 118,2 %. В ноябре 1936 г. отрасль испытала падение до 76,6 %, но в декабре „отыграла“ до 134,7 %, в январе 1937 г. — до 130,3 %. После падения до 92 % в феврале снова последовал рост до 106,2 %, а в мае рывок до 145,6 %. После падения правительства Ларго Кабальеро и начала свертывания революции при Негрине падение стало необратимым. Октябрь 1937 г. — 32,8 %, октябрь 1938 г. — 35,6 %[493]. Таким образом, в первые месяцы правления Негрина металлургическое производство упало в несколько раз.

Зависимость эффективности производства от наличия самоуправления иллюстрирует динамика добычи угля на синдикализированных рудниках Берге. В августе 1936 г. было добыто 302 т. сырья. В сентябре, после коллективизации (инкаутации) добыча снизилась на две тонны, однако уже в октябре возросла до 334 т., а в декабре 1936 — до 360 т. В январе-феврале 1937 г. добыча падает до 328–335 т. (уровень октября 1936 г.), но в июне-июле восстанавливается. Однако в августе-декабре 1937 г., по мере вытеснения самоуправления государственным контролем, добыча угля падает до 235 т.[494]. Таким образом, фактический материал подтверждает, что введение системы производственной демократии обеспечило ту эффективность производства, которая вообще была возможна на испанских предприятиях того времени в условиях войны и частичной экономической блокады. Миф о том, что „анархо-синдикалисты развалили производство“ можно считать окончательно опровергнутым. Получив в свои руки фабрики, рабочие и инженеры сделали максимум возможного. Производство, необходимое для нужд войны, смогло превысить довоенные показатели. Борьба против производственной демократии, предпринятая в период правления Негрина, подорвала экономику Республики[495].

* * *

Особое значение в условиях войны имело военное производство, особенно, если учесть, что до войны современное оружие в Испании почти не производилось. Состояние военной промышленности Испании и особенно Каталонии оказывается в перекрестье множества концептуальных дискуссий. Могла ли Испания производить оружие и в какой степени? „Развалили“ анархо-синдикалисты военную промышленность или нет? И если выясняется, что военная промышленность Испании и особенно Каталонии работала успешно — то чья это заслуга?

Для представителей самых разных идейных течений важно доказать, что эффективной альтернативы их экономическому идеалу не существует. И коммунисты с их верой в государственное хозяйство, и либералы со священной коровой частной собственности относятся весьма критически к попытке трудящихся организовать самоуправление. Они заранее уверены в том, что анархо-синдикалисты развалили экономику Республики, и именно они виноваты в том, что республиканцы не смогли наладить производство собственных боеприпасов в достаточном количестве. Здесь открывается благодатная возможность для того, чтобы найти „крайнего“ и за поражение Республики, и за подчинение ее воле Сталина — ведь иначе нельзя было получить боеприпасы и технику.

Спору нет — советская помощь была важным фактором, и монополия СССР в деле помощи республиканцам вытекает не только из состояния испанской экономики, но и из блокады, которую установили в отношении Республики либеральные режимы Европы.

Тем не менее, проблема остается: насколько предприятиям, работающим в соответствии с принципом производственной демократии, удалось сделать все возможное для обороны?

Автор этой книги также давно вовлечен в эту полемику. В том числе — с видным испанским историком А. Виньясом, с которым мы неоднократно обсуждали эту проблему. Позиция А.

Виньяса ярко окрашена политически — он приверженец социал-либеральных взглядов и, применительно к теме Гражданской войны, политики Х. Негрина. Следовательно — противник политики Ф. Ларго Кабальеро, предшественника и антипода Негрина. Сближение Ларго Кабальеро с анархо-синдикалистами также оценивается А. Виньясом весьма критически — ведь они развалили экономику Республики и своим экспериментом подорвали военную промышленность. А. Виньяс видит в анархистах главную проблему тыла Республики: „В тылу накапливались трудности из-за, прежде всего, безответственного поведения анархистов“[496], что сказывалось и на „военной промышленности в Каталонии“, развитие которой „постоянно затруднялось из-за анархических и националистических идей“[497].

Очевидно, у меня другая точка зрения. Сегодня можно сказать, что советские архивные материалы позволяют решить эту проблему. Важный свидетель, которого нельзя заподозрить в стремлении обелить анархистов и скрыть теневые стороны их деятельности — советский консул Антонов-Овсеенко[498]. Прибыв в Каталонию, Антонов-Овсеенко стал вникать в дела каталонских предприятий так энергично, что это вызвало даже недовольство министра Женералитата: советский консул „отдает приказы даже отдельным заводам“[499]. Конечно, Антонов-Овсеенко мог давать не приказы, а советы. Во всяком случае, он внимательно ознакомился с состоянием коллективизированной экономики, консультировался с советскими специалистами, также направленными на предприятия. И главный вопрос, который волновал Антонова-Овсеенко — каким образом добиться максимальной производительности боеприпасов.

Первый диагноз Антонова-Овсеенко в конце октября таков: „Производительность патронных заводов Барселоны 60 тысяч штук в день. Нужны автоматы“[500]. Следующее свидетельство в середине ноября: „Производство патронов выросло в 5 раз до 200 тысяч штук в сутки. Больше нельзя — нет инструментальной стали и инструментов“[501]. Таким образом, производственная демократия синдикалистов выжала из имеющегося оборудования все, что возможно. Дальнейшее повышение производительности труда было реально только при условии поставки из СССР автоматического оборудования по производству патронов, инструментальной стали и инструментов. Главный военный советник Я. Берзин рекомендовал поставить в Испанию автоматическую патронную линию производительностью в 2 млн патронов в сутки[502]. На это Сталин не пошел. В этом — ключевая причина невозможности наладить производство достаточного количества боеприпасов в республиканской Испании. Не мог наладить его и Франко, но к нему боеприпасы в изобилии поступали от союзников.

Несмотря на такой „приговор“: повысить производительность труда на таком оборудовании более невозможно, — синдикалистская экономика сделала невозможное. 11 декабря 1936 г. Антонов-Овсеенко докладывает: „Производство патронов за месяц выросло втрое, но вдвое меньше потребления Арагонского фронта“[503]. В апреле 1937 г. Каталония производила около 300 тысяч патронов[504].

При этом все разумное, что предлагают советские специалисты, НКТ вполне готова принять: „Абад де Сантльян поддержал советские предложения по интенсификации военной промышленности“[505].

Советский консул подтверждал, что и по производству снарядов коллективизированные предприятия также достигли пределов объективных возможностей. В марте он докладывал: „Производство снарядов составляет 4000 шт. в день. Нельзя повысить, как требуется, до 20000 шт. из-за объективного недостатка материалов... Последнее обстоятельство объективно проверено и подтверждено“[506].

Таким образом, советские данные позволяют ответить на вопрос: как сказывались анархистские идеи синдикализации на военном производстве Каталонии? Военное производство в период гегемонии анархо-синдикалистов достигло пределов возможного и даже несколько превзошло их[507]. Это произошло прежде всего за счет энтузиазма и организационных возможностей самоуправления и производственной демократии. Дальнейшее развитие ВПК Испании определялось тем, будут ли поставлены из СССР не только оружие и боеприпасы (которые, кстати, почти не доходили до Арагонского фронта), но еще и высокопроизводительное оборудование. Что для Сталина было неприемлемо[508].

Производственная демократия способствовала привлечению как можно большего числа работников к решению нестандартных проблем перестройки экономики на военный лад. До войны собственно военной была одна фабрика в Каталонии — пиротехническая в Реусе. „Множество вопросов должны были найти техническое решение: может ли фабрика губной помады производить ящики с гильзами?“[509] — комментирует Х. Томас. Положительные ответы были найдены. В Каталонии было налажено массовое производство стрелкового оружия, патронов и даже броневиков[510]. В Барселоне производились даже танки, впрочем, довольно несовершенные[511]. В военной промышленности Каталонии было занято 50000 рабочих[512].

В остальной Республике тоже кипела работа, но успехи ее были скромнее, чем в Каталонии. С декабря 1936 г. по апрель 1937 г. производство патронов выросло с 380 до 500 тыс. штук[513]. Эта цифра, которой пользуются исследователи[514], нуждается в уточнении. В апреле за пределами Каталонии производилось 90 тысяч патронов в Картахене, 30-50 тысяч в Валенсии, и еще 100 тысяч переснаряжалось из собранных гильз в Мадриде[515]. Как видим, результат усилий центрального правительства оказался куда скромнее, чем у каталонцев, производивших около 300 тысяч. Сюда нужно добавить еще более 120 тысяч патронов, производимых на севере[516]. Всего получается более 650 тысяч патронов. К тому же в марте 1937 г. Каталония обеспечивала потребности в снарядах на Арагонском фронте и отправляла в центральную Испанию еще 1500 снарядов в день[517].

* * *

И неудачи, и успехи военного производства нельзя относить только на счет анархо-синдикалистов. Во-первых, в деле коллективизации хоть и лидировала НКТ, но она действовала совместно с ВСТ. Во-вторых, Каталония была хоть и важнейшим, но не единственным местом производства вооружений и боеприпасов. В-третьих, и в Каталонии, и в на остальной территории Республики производством вооружений и боеприпасов занимались не только работники и их самоуправление, но и государственные структуры, которые могли как помогать, так и мешать самоуправлению.

Военное производство наряду с профсоюзами координировали также структуры Женералитата, прежде всего созданная 7 августа Ж. Таррадельясом Комиссия военной промышленности (КВП). Каталонский историк Ф. Хавьер де Мадариага считает, что „создание КВП 7 августа означало качественный скачок“ в военном производстве. При этом историк С. Сервельо напоминает: „Однако не будем забывать, что МАФ и НКТ тоже создавали структуры координации экономики, и первые усилия по налаживанию именно военного производства начались на предприятиях — без нажима Женералитата“[518].

Скачок действительно происходил, и его причины заключались в упорядочении социалистического сектора, энтузиазме рабочих и инженеров (включая советских специалистов), и уже затем в координирующей роли КВП и команды Таррадельяса, которая по мере возможности старалась решить многочисленные проблемы, возникавшие между предприятиями и государственными структурами. В это время „к равновесию функций стремились три социальных сектора: промышленный пролетариат, связанный в значительной степени с НКТ; каталонские республиканцы, держатели контроля в Женералитате и влияния среди техников и лучших профессионалов; и определенное количество военных профессионалов, чей социальный вес был равен нулю, но без которых работники никогда не приобрели бы знания и навыки, необходимые для военного производства“[519].

В декрете Женералитата 12 августа 1936 г., который официально учреждал КВП, ей предоставлялись следующие полномочия: „...контроль за всей деятельностью производств предприятий, их закупок, распределения, контроля и экспериментов с техническим оборудованием, а также все аспекты, связанные с промышленной мобилизацией“. КВП формировалась из представителей Министерства обороны, Совета экономики и публичных служб, Совета финансов и Совета управления[520].

Сначала предполагалось, что все военные производства поступят в прямое подчинение КВП, но на практике самоуправление на военных производствах сохранилось, а КВП играла роль координатора и помощника. КВП „не вмешивалась ни в формы собственности компании, которые впоследствии регулировал Декрет по коллективизации, ни в отношения профсоюзов, ни в функционирование политико-социальных отношений, установленных рабочими“[521]. Предприятия, необходимые для военного производства, не национализировались, а подвергались инкаутации (в данном случае — коллективизации)[522]. Контроль Женералитата на этих предприятиях осуществляли делегаты КВП и Комиссии по трудовому контролю (иногда должность делегата совмещал директор фабрики). Военный сектор включал крупнейшие предприятия металлургии, машиностроения и химической промышленности. После победы Таррадельяс рассчитывал сохранить этот сектор и на его базе начать строительство современной индустрии в Каталонии. Он „считал, что необходимо вкладываться в будущее Каталонии, которая в результате импульса войны должна занять весомое место в сфере индустрии“[523].

Как это ни странно, большие проблемы для работы КВП создавали коммунисты: „ОСПК, чье влияние и политический вес в Каталонии не переставал расти на протяжении всей войны... часто атаковала и дискредитировала работу КВП и ее результаты, включая клевету, осуществляя линию пропаганды, полную ловушек и сектантских обвинений. С самого начала

их выступления были направлены на поддержку линии на военную централизацию, которую проводила КПИ..."[524]. То есть, для того, чтобы расчистить место для создания управляемого из Валенсии ВПК, коммунисты были готовы разрушить уже то, что есть и неплохо работает. Аналогичную политику проводил и министр Прието[525].

В организации своей команды КВП отошла от принципа политических квот, принятых в других коалиционных органах Женералитата. Это было встречено партиями и профсоюзами с пониманием — для работы в такой структуре важны были инженерные знания.

КВП не управляла, а координировала военное производство, обеспечивая связи между предприятиями, поставки, формируя госзаказ. Каталонский историк Ф. Хавьер де Мадариага пишет, что Женералитат через КВП „инвестировал средства в покупку иностранных материалов, в переплавку металла, строительство машин, усовершенствования промышленности; были мобилизованы и собраны рабочие, выплачивали зарплаты, давали дотации коллективам; и все это получали обратно в качестве военных материалов, пороха и взрывчатых веществ, тысяч бомб, гранат, минометов, ружей и почти ста миллионов зарядок для них"[526]. Часть этих достижений (организация рабочих, часть инноваций) принадлежит не КВП, а профсоюзам и самоуправлению. Но в целом Таррадельяс, НКТ и ВСТ сумели найти оптимальное соотношение государственной координации и самоуправления.

Но Центр не хотел пускать Каталонское производство на самотек. И. Прието настаивал, что „государство не может уступать автономным организациям свои обязанности"[527]. В феврале 1937 г. „на нескольких встречах, в которых участвовали Таррадельяс, Коморера, Доменек со стороны Правительства Каталонии и Прието, Негрин и Пейро со стороны центрального Правительства, было принято решение, что производство будет координироваться таким образом, чтобы интенсифицировать его насколько это возможно“. Было решено, что структуры центрального правительства могли заключить договоры с каталонскими предприятиями и контролировать их работу. Впрочем, из этого вряд ли мог получиться толк. „Критика Прието была жесткой. Чинились все возможные препятствия и трудности для того, чтобы избежать реализации желаний правительства"[528], — возмущается вслед за министром историк А. Виньяс. Ж. Таррадельяс был не в восторге от попыток И. Прието действовать через его голову, а на предприятиях вообще не понимали, почему центральные чиновники пытаются указывать, как вести дела.

Вслед за Прието А. Виньяс обвиняет барселонцев в невыполнении обязательств по поставке грузовиков[529]. Виньяс здесь доверился свидетельству Прието, и напрасно. Советские наблюдатели сообщали, что предприятия задерживают поставку шасси „Форд“ в центр, потому что правительство не рассчиталось с производителями[530]. Так что как раз Прието не выполнял своих финансовых обязательств, что вызывало трения и перебои в поставках. Министр авиации и флота, взяв на себя несвойственные посту обязательства, выполнял их не лучшим образом и подчас действовал как слон в посудной лавке.

Первоначально производство вооружений не входило в компетенцию Прието. Ларго Кабальеро знал, что оно уже развернулось в Каталонии. За тыл отвечали Генеральный штаб и Асенсио, который также занимался развертыванием тыловой инфраструктуры. Но Прието решил взять на себя ответственность за военное производство посредством создания

Комиссариата вооружения и боеприпасов (КВБ). „По мнению Ларго Кабальеро, Комиссариат был создан под советским давлением, — комментирует А. Виньяс. — Если это так, то удивляют три вещи: первое, что Кабальеро не признавал до этого необходимость Комиссариата, которая была очевидна; второе, что он отказался от того, чтобы его министерство (Министерство военных дел), было представлено в этом учреждении; третье, что он также не считал подходящим, как его неоднократно просил Прието, трансформировать КВБ в самостоятельное министерство“[531]. Но Ларго Кабальеро стремился избегать создания административных структур, которые своими попытками управлять самоуправлением будут провоцировать конфликты и тем мешать делу. Если в Центральной зоне работа КВБ была полезна (тем более, что и самоуправление здесь было слабее), то вмешательство И. Прието в дела Каталонии вызвало множество конфликтов как с НКТ, так и со структурами Женералитета. Так что осторожность Ларго Кабальеро в этом вопросе вполне объяснима[532]. Современный исследователь военного производства времен гражданской войны Ф. Хавьер де Мадариага также довольно скептически оценивает результаты работы КВБ: „Комиссариат по вооружению и боеприпасам продолжал свое официальное неэффективное существование до смены Правительства в июне 1937 года“[533].

* * *

Но без поставок современного военного промышленного оборудования испанское производство в любом случае было недостаточным — в этом можно согласиться с А. Виньясом. Он полагает: „Например, при ежедневной потребности в патронах для ружей и пулеметов в 3,5 миллиона, производство составляло ничтожные 380000 в декабре 1936 г. и не превысило половины миллиона в марте 1937 г. В конце этого месяца количество патронов в наличии составляло около 60–70 миллионов, что не позволяло поддерживать достаточную интенсивность военных действий. В случае со снарядами для 75-миллиметровых пушек, при потребности в 8000 снарядов, Республика производила 500-1000 в день“[534]. Советские архивы позволяют внести важные поправки к этой картине. Потребность в патронах 3,5 миллиона рассчитывалась не для декабря 1936 г., а для апреля 1937 г.[535], когда, с учетом возможностей советских поставок, планировалось широкомасштабное наступление. Да и возможности испанской промышленности превысили не только декабрьские 380000, но, как мы видели, и полмиллиона. Так что 3,5 миллиона патронов в день — потребности, рассчитанные „по гамбургскому счету“. Когда советская военная помощь только начинала оказываться, в ноябре 1936 г. Я. Берзин, К. Мерецков и др. советские специалисты представили более экономный доклад о суточной потребности фронта. Она составляла 1,5 млн патронов, а только без Каталонии в это время производилось 400 тыс.[536] То есть Республика с учетом Каталонии покрывала более трети своих потребностей. Этот вклад все же нельзя называть „ничтожным“. Он был достаточно важен в условиях неритмичности советских поставок.

Из этого следует два обстоятельства: важность советской помощи, о чем уже говорилось (особенно, если бы Сталин решился поставить Республике оборудование по производству боеприпасов), и опасность для Республики затяжной войны, когда стороны целиком

оказываются во власти поставок боеприпасов.

Коллективизация по-испански

Одновременно с городской коллективизацией развернулось движение за коллективизацию сельского хозяйства. „Огромный вред индивидуального хозяйства, — писал Д. Абад де Сантильян, — который ложится на всех трудоспособных членов семьи: отца, мать, детей, — это чрезмерный объем труда... Крестьянин не должен приносить себя и детей в жертву прибыли. Важно, что он должен иметь время и энергию для того, чтобы дать образование себе и своей семье, что свет цивилизации должен осветить жизнь села“[537]. Анархо-синдикалисты стремились противопоставить беспросветному семейному труду крестьянина силу общинной солидарности, которая позволила бы рационализировать производство и высвободить часть времени сельских тружеников для их культурного развития, преодоления вековой отсталости. Идея была поддержана тысячами крестьян. Началось массовое движение коллективизации. Инициатива исходила от крестьянской массы.

Аграрная революция началась разгромом помещичьего землевладения в конце июля. Советский наблюдатель сообщал: „Положение в деревне таково: начиная с событий 19 июля, в течение нескольких месяцев, крестьянство расправилось с помещиками. Произошла настоящая аграрная революция. На территории республиканской Испании класс помещиков ликвидирован. В провинции Хаен, например, за август-сентябрь убили свыше 3 тысяч помещиков. Везде помещичья земля захвачена крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. Декрет Урибе от 7.10. („конфискация земель помещиков-фашистов“) перевыполнен сразу, так как фактически конфискованы земли всех (или почти всех) помещиков (крупных и средних) вообще. Многие помещики „добровольно“ отдали свои земли и тем спасали свою жизнь“[538]. Либералы и коммунисты попытались использовать декрет 7 октября для того, чтобы уменьшить масштабы экспроприации и коллективизации. Однако крестьяне, захватившие землю и создававшие коллективы, не желали поворачивать этот процесс вспять. Как пишет историк Л. Гарридо, „при применении декрета от 7 октября все еще возникали серьезные трудности... Работники, занимавшие коллективизированные поместья, не очень ясно понимали, зачем пересматривать уже осуществленные экспроприации“[539]. Так что пришлось оставить аграрную революцию в покое.

В общем порыве землю конфисковали не только у помещиков, но и у большинства кулаков. Кулаками считались те, кто применяли наемный труд круглый год[540]. „Согласно данным Института аграрной реформы по 15 провинциям, которые не включали провинции Арагона и Кастилии, до августа 1938 г. было экспроприровано 5 458 885 гектаров (приблизительно 40 % полезной площади)“[541].

„Все секвестированные земли будут находиться под контролем и управлением союза, и обработка их коллективным способом отразится в первую очередь на союзах и всех трудящихся вообще“[542], — говорилось в решении крестьянского съезда Каталонии, представлявшего около 200 союзов. Впрочем, региональный пленум крестьянских синдикатов Каталонии 5–7 сентября 1936 г. оставил принципы организации новой жизни на усмотрение местных организаций.

Как и в СССР, коллективизация отчасти мотивировалась будущим применением техники на полях. Однако в Испании было только 190 тракторов[543], и этот мотив был вторичен по сравнению с возможностью прямо сейчас организовать жизнь более справедливо. Крестьян привлекали в коллектив как выгоды совместного ведения хозяйства в тяжелых условиях войны (прежде всего в области товарообмена и культурной жизни, которые обеспечивались и поддерживались структурами НКТ), так и идеологическое (в отдельных случаях — и принудительное) давление анархистов. Однако говорить о насильственном характере коллективизации, как в СССР, в Испании не приходится — коллективы развивались и в тех регионах, где влияние анархо-синдикалистов не было доминирующим — в Леванте и Кастилии. Участник коллективизации М. Рохо считает основными ее мотивами также оказание помощи фронту (коллективы были удобной формой для организации снабжения) и установление „социального равенства“, к которому стремились крестьяне в это время[544].

По свидетельству советского писателя И. Эренбурга, посетившего Арагон и беседовавшего с крестьянами об их жизни, коллективизация была стихийной[545]. При этом „коммунисты не знали, как им себя вести. В некоторых деревнях они вместе с анархистами вначале уничтожали денежную систему. В других — они пытались отстаивать сохранение частной собственности на землю, что не было популярным среди крестьян Арагоны“[546]. В итоге там, где преобладали анархисты, прошла полная коллективизация, был введен режим пайков без денег. Там, где доминировали социалисты и коммунисты, коллективизация была более мягкой, она охватывала 90 % крестьян и обошлась без обобществления мелкого скота и птицы[547].

* * *

В начале Гражданской войны в деревне, как и в городах, происходили эксцессы террора. Так, 24 сентября 1936 г. анархисты в Сесе расстреляли 10 „фашистов“[548]. Однако после расправы над наиболее ненавистными представителями старого порядка ситуация становилась более спокойной.

В тех коллективах, где не было существенных противоречий, порядок поддерживался специально выбранным человеком, своего рода шерифом. А. Сухи подчеркивает благополучную криминальную ситуацию в местах, где ему довелось побывать[549].

Как правило, коллективизация не была насильственной, но моральное давление общины было сильным фактором, который заставлял крестьян, еще не вошедших в коллектив, склоняться к участию в коллективизации, чтобы быть „как все“. Несмотря на то, что региональная конференция НКТ приняла специальное решение о недопустимости принудительного вовлечения крестьян в коллективы[550], моральное давление играло очень большую роль. Участник коллективизации в Мас де лас Матас Э. Маргелли вспоминает: „Наш следующий шаг был ошибкой — наибольшей, как я сейчас считаю. Мы обязали „правых“ присоединиться. Мы принуждали их морально, не физически, но все же принуждали“[551].

Казалось, что после того как сомневающиеся войдут в коллектив, они сразу же поймут преимущества нового образа жизни, и дело пойдет быстрее. На деле принуждение имело мало смысла, так как вовлеченные в общину таким образом работали мало и „сидели на шее у коллектива“[552]. Поэтому многие коллективы отказывались от вовлечения в эксперимент несогласных, устраивая экономическое соревнование с индивидуалистами[553].

Г. Леваль был свидетелем обсуждения на ассамблее вопроса о выходе группы крестьян из коллектива. Само право на выход не подвергалось сомнению, и обсуждался лишь вопрос о порядке пользования инфраструктурой коллектива индивидуалистами[554].

В отличие от коллективизации в СССР, на стороне организаторов коллективизации не было постоянно присутствующей государственной поддержки. Однако в отдельных коллективах устанавливались диктатуры пришлых радикалов[555]. Об одной из таких ситуаций вспоминает Х. Авила: „Это не был режим террора, Вы не можете это так назвать. И все же мы повидали вещи, которых мы раньше не видели. Что за вещи? Расстрелы. Некоторые после суда, некоторые — без. И поэтому все вынуждены были делать то, что ОНИ скажут“[556]. Рейды городских анархистов, пытавшихся форсировать коллективизацию, резко критиковались лидерами НКТ. Х. Пейро писал: „Революционные „знаменосцы“ уже прошли через деревню. Для ее освобождения? Для того, чтобы помочь ее освободить? Нет, они прошли через деревню, чтобы грабить тех, кто годами и веками был ограбляем людьми, побежденными революцией“[557]. Осуждение радикалов анархо-синдикалистами и всеобщее вооружение крестьян не давали „знаменосцам революции“ развернуться, и в большинстве районов, охваченных коллективизацией, власть оставалась в руках местного крестьянского самоуправления. Важно также учитывать, что республиканская милиция также вмешивалась в ситуацию в селениях Арагона, помогая нежелающим жить в коллективах против анархистов-экстремистов[558].

Идеологи анархистов считали, что оружие в руках крестьян защитит их от набегов со стороны. В радикальном анархистском издании „Идеас“ 22 апреля 1937 г. говорилось: „Трудящиеся, сохраняйте оружие! И когда на соседнюю деревню нападают наемники, весь окружной народ должен бежать им на помощь“[559].

* * *

Движение коллективизации было поддержано и НКТ, и ВСТ, что было закреплено в соглашении арагонских организаций этих союзов 22 февраля 1937 г.: „НКТ и ВСТ поддержат и будут стимулировать свободно создаваемые коллективы, которые могут служить примером остальным рабочим и крестьянам“[560]. Фактически это соглашение лишь подтверждало то положение, которое сложилось в июле-сентябре 1936 после первой волны коллективизации.

90 тыс. крестьян-арендаторов Арагона и Каталонии, получивших землю в результате революции, не вошли в коллективы и создали свой союз (Крестьянская федерация мелких собственников). Они не желали продавать свои продукты по твердым ценам НКТ. Гарсиа Оливер обещал их делегации „принять меры против ограничения торговли их

продуктами“[561]. Вскоре НКТ допустила крестьянские кооперативы к торговле апельсинами[562].

При формировании Женералитета НКТ Каталонии 28 марта 1937 г. сформулировала свою программу, которая исходила из сочетания коллективного и индивидуального землепользования. Земля должна предоставляться крестьянам в размере, который может обрабатываться трудом одной семьи, а остальная часть — предоставляться коллективам, „если найдутся желающие работать коллективно“. Необходимо проводить обмен земельных участков, если их расположение препятствует коллективной обработке. Батрачество запрещалось. Крестьяне должны были иметь право обрабатывать муниципальную землю, если муниципалитет не нашел ей другое применение[563]. Все крестьяне должны быть объединены в сельские профсоюзы — ВСТ, НКТ или Рабассайрес[564].

Крестьяне разных форм собственности входили также в Федерацию работников земли (ФРЗ), включавшую 120 тысяч крестьян и батраков. В ней большим влиянием пользовались как анархо-синдикалисты, так и коммунисты. ФРЗ в принципе поддерживала коллективизацию, выступая за ее упорядочение. В марте 1937 г. съезд ФРЗ провозгласил, что в каждом селе должен быть один кооператив (а не два и более, организованных на разных принципах, как случалось в ходе стихийной коллективизации). ФРЗ гарантировала: „Мы будем уважать мелкую собственность, если речь идет о хозяйстве, которое может обслуживаться одной семьей“[565].

Поскольку анархисты были признанными защитниками коллективизации, то коммунисты стали делать ставку на защиту мелких хозяев, что сдвигало курс партии вправо. Советский консул констатировал, что „базу партии в деревне составляют мелкие собственники-крестьяне“[566]. Этот правый курс соответствовал и другим составляющим стратегии Коминтерна в этот период. Считалось, что раз в Испании еще не решен вопрос о власти, переходить к социализму рано. Это будет следующий этап. Анархо-синдикалисты не соглашались с такой логикой — массам нужно показать, ради чего они сражаются, предложить основы нового мироустройства уже здесь и сейчас.

Когда министр-коммунист Урибе, подчиняясь правым установкам Сталина (стремившегося по международным соображениям придать Народному фронту как можно более умеренный имидж), предложил отказаться от коллективизации, это вызвало сопротивление не только НКТ, но и ВСТ. Это свидетельствует о широкой поддержке коллективизации не только анархистами, но и большинством организованного крестьянства вообще. И. Эренбург сообщал: „В настоящее время за коллективизацию против предложенной коммунистическим министром парцелляции конфискованных земель выступают не анархисты, а левые социалисты из УХТ[567], в частности, Паскуаль Томас, фактический руководитель УХТ“[568]. 9 марта 1937 г. орган ИСРП „Аделанте“ выступил за добровольную коллективизацию, которая должна охватить всех крестьян[569]. Для полного успеха необходимы технологические предпосылки: „чтобы добиться коллективизации, нужно превратить плуги в трактора“[570].

Большинством коллективов руководили анархисты. Но около 800 хозяйств из примерно 2500 находились под контролем социалистов и коммунистов, а в органах большинства

коллективов социалисты и коммунисты присутствовали. Очаг движения располагался в Арагоне (около 450 коллективов). Влияние анархистов здесь было преобладающим, но не тотальным. Помимо органов самоуправления коллективов, в Арагоне сохранялись и местные органы власти. Так, в коллективизированном селении Альмагро анархисты заняли только 6 из 15 мест в местном муниципальном совете[571]. В Арагонском совете анархисты располагали 7 местами, а представители партий Народного фронта — 6. В декабре Аскасо был признан в качестве представителя центрального правительства[572]. В соглашении Арагонских организаций НКТ и ВСТ, заключенном 22 февраля 1937 г., говорилось: „Мы предпримем усилия к реализации всех указаний легитимного правительства Испанской республики и Совета Арагона, в котором наши уважаемые организации представлены, используя для этой цели все наше влияние и ресурсы“[573].

Даже в Арагоне коллективизация не была тотальной — в коллективы вошло около 70 % населения провинции[574]. Движение охватывало провинции, в которых анархисты не находились у власти (Андалузия, Кастилия, Левант). Четыре пятых коллективов находились там[575]. Всего в руках коллективов находилось около 9 миллионов акров земли. В Леванте коллективы объединяли около 40 % крестьян.

В провинции Хаен, например, было 400 коллективов, затем часть распалась, осталось 270 коллективов с 38000 семей[576]. Опыт провинции Хаен свидетельствовал, „что оставшиеся в провинции „колхозы“, организованы добровольно, что сами рабочие предпочитают именно эту форму хозяйствования на бывшей земле помещиков, но что обычно везде есть меньшинство, которое хочет раздела и против этой формы“. При этом „весенние полевые работы идут полным ходом, работают хорошо. Вообще провинция, главным образом коллективы, — увеличила посевную площадь пшеницы на 30 % по сравнению с дореволюционным 1936 годом“[577]. Коллективы кормят и принимают беженцев, содержат госпитали, отгружают продовольствие на фронт, собирают деньги для нужд войны[578].

Ликвидация помещичьего землевладения и коллективизация теоретически должны были нарушить производственный процесс (как, например, в СССР), но в Испании этого не произошло. Советские наблюдатели сообщали: „Уборка произведена полностью“. Расширены посевы зерновых. А картофеля — даже в 2 раза. Запасы Арагонского совета составляют 10000 тонн зерна, не считая запасов крестьян. Карточная система позволяет обеспечить население и армию мясом[579].

* * *

Типичные коллективы объединили по 200–500 крестьян (реже от 30 до 5000). Говоря словами А. Переса-Баро, „только меньшинство понимало, что коллективизация означает возвращение к обществу, которое, исторически было экспроприировано капитализмом“[580]. Организаторы коллективов считали, что создают новый справедливый мир.

Основная часть имущества в результате коллективизации становилась общей, работу вели совместно. Важнейшие решения принимались на общих собраниях. Ассамблеи решали

множество вопросов — от строительства школы до определения хлебных рационов[581]. Часто в ассамблеях участвовали и крестьяне, не вступившие в коллектив[582].

Ассамблея избирала административную комиссию (исполнительный комитет), регулярно (раз в неделю или в месяц) собиравшую ассамблею для решения важнейших вопросов. Члены комиссии руководили текущей работой коллектива. В уставе коллектива Тамарите де Литера говорилось, что „все обязаны выполнять инструкции ответственных делегатов, полученные на предварительной встрече перед работой“ под угрозой исключения из коллектива[583]. Формально работник как истинный анархист мог отказаться от выполнения указания менеджера до начала работы, но, дав согласие, должен был держать слово. Это считалось уже проявлением не власти, а самодисциплины.

Ячейкой коммунальной демократии были бригады числом в несколько человек. Здесь крестьяне вместе трудились и вечером обсуждали производственные планы на завтрашний день, вопросы распределения и т. д.

В коллективы, как правило, входили крестьяне нескольких селений. Часть крестьян коллективизированного села в коллектив не входили, продолжая вести индивидуальное хозяйство. Частники, как правило, участвовали в некоторых мероприятиях коллектива (что определялось специальными договоренностями), имели кредит в коллективных лавках, участвовали в потребкооперации[584]. Наемный труд в Арагоне был запрещен даже в индивидуальных хозяйствах[585].

Большинство коллективов сначала отменили деньги[586] и ввели уравнильное распределение. Часть потребления осуществлялась коллективно. Так, например, в Муньесе по субботам и воскресеньям для всех крестьян сервировали столы для питья кофе. Бесплатно, а иногда и неограниченно выдавался хлеб, оливковое масло, мясо, подчас и вино[587]. Ограничение потребления „по потребностям“ обеспечивалось все тем же моральным давлением коллектива, по образцу отношений в семье. Но изъяны коммунистических принципов, на которых объединялись крестьяне, скоро дали себя знать. „Люди выбрасывали хлеб, потому что могли получить его свободно, — вспоминает М. Рохо, — Это была трагедия для нас, приверженцев либертарного общества, но мы столкнулись с этим“[588]. В итоге коллективам пришлось вводить хлебные рационы[589] или собственные деньги. Иногда это были карточки, позволявшие приобретать определенные продукты[590]. Иногда работникам выплачивалась небольшая зарплата для удовлетворения тех индивидуальных нужд, которые выходили за рамки общедоступного минимума.

Вспоминает участник коллективизации Маргелли: „С детства мы читали анархистских мыслителей, которые писали, что в деньгах — корень зла. Но у нас не было идей по поводу происшедших теперь трудностей... И введение собственных денег в каждой деревне только добавило путаницы...“[591].

Непроработанность в программе испанских анархо-синдикалистов конкретных, „минималистских“ проблем, которые постоянно возникали при столкновении с жизнью, тяжело сказывалась на преобразованиях. Но тем не менее привлечение большого количества людей к поискам выхода из каждой сложной ситуации, возможность опробовать

в каждом коллективе свой собственный вариант развития, гибкость системы коллективов — все это помогало избегать серьезного социально-политического или экономического кризиса, подобного „издержкам“ коллективизации в СССР.

Впрочем, переход к системе собственных денег коллективов далеко не везде вызывал „добавочную путаницу“. Секретарь коллектива в городке Муньес Х. Вальенте объяснял А. Сухи: „Деньги, выпущенные городом, не зависят от денег, выпущенных государством. Новые городские деньги не являются средством инфляции — только обмена... По необходимости, — добавляет Сухи, — местные деньги обменивались на национальную валюту. Но для этого должны были быть веские причины...“[592].

11 марта 1937 г. „Солидаридад обрера“ выступила против ликвидации денежных знаков, поскольку на этот счет существуют разные мнения и тенденции. Идеологов анархо-синдикалистов смущало различие в доходах крестьян разных коллективов. „Солидаридад обрера“ 7 марта 1937 г. критически писала о разном положении коллективов: в Монблане работники получали 10 песет в день на семью, а в Альвегде, Альсанеле, Эстопилье, Бенабар Эльса — по 4[593].

И. Эренбург писал о разных ситуациях, сложившихся в коллективах, которые он посетил в Арагоне. Во Фраге анархисты ввели равные пайки. Каждый из 10 тысяч жителей получал книжку с указанием, на сколько песет в неделю какой продукт можно брать. В книжке делались соответствующие пометки, при которых „песета“ была не купюрой, а количественной мерой продуктов, цена которых устанавливалась самим коллективом. По свидетельству Эренбурга, в кафе продуктов не было, крестьяне просто сидели и отдыхали там. Лидеры местного комитета выступали против торговли с Барселоной, опирались на собственные силы вплоть до анекдотических ситуаций. Председатель комитета предлагал доктору не покупать книгу в Барселоне, а напечатать ее в местной типографии. В Пине действовала сложная система карточек — на каждый вид продуктов и услуг[594].

Режим пайков установился и в небольшой деревне Сеса с населением 800 человек. Крестьяне были вооружены, что исключало принуждение их к порядкам, которые бы их не устраивали.

Здесь паек составлял 50 гр. мяса в день (больные получали 150 гр.), пол-литра молока, 30 гр. сахара и 5 гр. кофе в неделю, 10 папирос в день. Полагалось также четверть литра растительного масла на четверых.

Хлеб выдавался без ограничений (мыслимо ли было такое при советской коллективизации). Несмотря на то, что Эренбург был весьма скептически настроен в отношении испанской коллективизации, он вынужден признать: „Но все же они едят теперь больше мяса“[595].

По словам местного врача, которого Эренбург счел объективным свидетелем, этой системой теперь довольно 70 % жителей[596].

В деревне Уэрто анархисты не получили преобладания. В совете коллектива состояли 60 коммунистов и 20 синдикалистов. Из 800 человек населения 5 семей не вошли в коллектив. Сам коллектив строился по модели советского колхоза, как она официально

провозглашалась. Свиньи, кролики и птица оставались в индивидуальном хозяйстве. У коллектива был трактор[597], что придавало объединению и технологический смысл.

Коллектив не отменил деньги, но распределялся доход уравниательно. Одинокие мужчины получали 6 песо в день. Глава семьи — 5 песо, член семьи — 2 песо, дети до 14 лет и старики старше 60 лет — 1 песо (если не работают)[598]. „Члены комитета говорят, что уравниловка, потому что все работают пока что с энтузиазмом“. Но если уравниловка приведет к падению стимулов к труду, то можно будет ввести и трудодни[599].

По сути, в Уэрто сложилось социальное государство в миниатюре. Работники получали фиксированную поденную зарплату, остальные — пенсию. Жители собирали продукты в дар госпиталям. Работали кооперативное кафе, танцклуб, библиотека[600].

По словам Г. Эсенвейна, „характеристикой большинства коллективов, например, было сильное чувство социальной солидарности... Существовало также сильное стремление к образованию, некоторые коллективы впервые предприняли усилия к созданию школ, особенно в отдаленных деревушках, где люди веками были лишены базового права на образование“[601].

Для вхождения в коллективы не существовало имущественных ограничений — в движении участвовали и зажиточные крестьяне. Противник коллективизации Э. Сеговия, посещавший Арагон, встречался с богатым крестьянином, вступившим в коллектив. „Как вы стали коммунистом?“ — спросил я. У него было вдосталь земли, вина, оливкового масла, чтобы жить комфортабельно. „Почему? Потому что здесь создана наиболее гуманистичная система“. В Мас де лас Матас она работала действительно хорошо. Я помню, они послали человека, который страдал от язвы, лечиться в Барселону. Это стоило ему 7000 песет — значительная сумма по тем временам, гораздо больше, чем этот человек мог бы потратить сам...»[602] Собственник магазинчика, оставшийся работать в нем после коллективизации, говорил А. Сухи: «Я не должен волноваться по поводу отдачи приказов. Я получаю достаточно средств на жизнь. Коллектив заботится обо всем. Я работал раньше. Работаю и сейчас»[603]. А. Пратс писал об участнике коллектива: «Все службы коллектива в его распоряжении. От рождения и до смерти он защищен коллективом»[604].

Конечно, логика власти и привилегий засасывала некоторых местных лидеров-анархистов, условия жизни, которые создали себе лидеры Арагонского совета, были значительно лучше, чем у крестьян Арагона в среднем. Это подрывало авторитет лидеров и облегчило впоследствии разгон этого органа[605]. Но в большинстве своем вожди анархо-синдикализма оставались пуританами.

По мнению участника коллективизации в Алосе, средний уровень жизни был таким же, как и до войны, но положение социально уязвимых слоев — значительно лучше[606]. В то же время Ф. Буркено, посетивший Арагон, считал, что «концепция нового порядка, которая осуществляется здесь, последовательно аскетична»[607]. Впрочем, содержание, выплачивавшееся в коллективах (4-12 песет в день), была в несколько раз выше, чем прежняя зарплата сельскохозяйственного рабочего. Так, например, в Альканисе платили 10 песет в день при стоимости килограмма мяса 4,5 песеты[608].

В большинстве случаев коллектив обеспечивал, как и в городе, более высокий уровень культурной жизни, нежели до коллективизации, концентрируя средства на просветительских программах. Иногда средств хватало и на модернизацию производства[609].

И. Эренбург подводил итог своим наблюдениям о жизни коллективов Арагона: «Население, привыкшее к очень низкому уровню жизни, в большинстве не страдает от установленного режима»[610].

Говоря об анархистских коллективах, писатель пророчествовал: «Однако, через 2–3 месяца эти деревни ждет катастрофа»[611]. Этот прогноз, навеянный печальным опытом советской коллективизации, не сбывается.

Эренбург оценивал коллективизацию как либерал, мнение которого сформировалось по результатам коллективизации в СССР. Он не учитывал, что причиной катастрофы в советском селе было не самоуправление и коллективизм, а государственное давление и тотальное изъятие продовольствия.

Попытка полного обобществления собственности и ликвидации товарообмена в Арагоне столкнулись не только с трудностями в сфере обмена, но и с бригадным эгоизмом. Здесь, как и в городе, преуспевающие коллективы не хотели содержать «лодырей». По словам участника коллективизации Л. Мартина «каждая рабочая группа в конечном счете руководствовалась своим собственным интересом»[612]. Конкуренция внутри коллективов дополнялась конкуренцией между ними. Началось расслоение коллективов на преуспевающие и беднеющие. Но рыночные отношения, сохранявшиеся в коллективизированном секторе в тех или иных формах, всегда ограничивались и регулировались.

* * *

Работа коллективов Арагона координировалась Арагонским советом и Федерацией коллективов Арагона, в которую входило 24 кантональные федерации, 275 селений и 141430 человек[613]. Арагонский совет направляет коммуна удобрения и семена (хотя и немного[614]). В Арагоне анархистская модель предполагала наличие экономического центра, выполняющего роль социального государства.

Федерация располагала фондом продуктов, осуществляла связь с рынками, регулировала перетоки рабочей силы в случае возникновения ее излишков и недостатка, организовывала инновационный процесс и рациональное землепользование, вела культурно-просветительскую работу[615]. Кантональные федерации поддерживали связи с промышленностью без торговых посредников. Крестьянские федерации и Арагонский совет вели самостоятельные внешнеторговые операции — например, торговали шафраном[616].

Крестьянским и профсоюзным организациям пришлось разрешать множество противоречий и конфликтов. Во-первых, между коллективами, частниками и государственными органами,

которые за пределами Арагона по инициативе коммунистов уже с октября 1936 г. вставали на сторону единоличников и кулачества («неправомерно» экспроприированных). Во-первых, между производителями продовольствия и структурами сбыта, вынужденными учитывать интересы не только селян, но и горожан, не говоря уже о потребностях фронта. В-третьих, между экстремистами анархо-коммунизма и крестьянской массой, стремящейся к более мягкой коллективизации.

14-15 февраля 1937 г. в Каспе был проведен конгресс Федерации коллективов. В нем приняли участие 600 делегатов от 300 тысяч членов из 500 коллективов[617]. «Это была значительная цифра, если учесть, что все население республиканского сектора Арагона составляло 500 тысяч человек[618]. Фактически конгресс, на котором была основана Федерация коллективов Арагона, представлял большинство населения региона», — считает В. Дамье[619].

В ноябре 1937 г. была создана Национальная федерация коллективов, призванная координировать движение в масштабах всей Испании. Экономическое значение работы коллективизированного сектора для Испанской республики было очень велико. Коллективы производили около половины зерна, поступавшего в города Испании и на экспорт[620].

Советский наблюдатель, критически настроенный в отношении системы коллективов, утверждал: «Раньше крестьянство находилось в плену у посредников. В настоящее время роль посредников взяли на себя деревенские комитеты контроля СНТ и отчасти УХТ, к которым крестьянство относится также враждебно, как и к старым посредникам»[621]. Если бы враждебность была действительно такой же, то деревня была бы охвачена восстаниями против НКТ и ВСТ (испанские сокращения — СНТ и УХТ), как она восставала против системы, существовавшей до 1936 г. Этого не было. Несмотря на свою тенденциозность, критик указал на важную черту системы снабжения — организации профсоюзов заняли нишу, которую раньше занимали торговцы. Впрочем, это явление, как бы его ни оценивать, не было всеобщим. Член валенсийского провинциального комитета Федерации работников земли возмущался: «Громадное большинство посредников в деревне — это мелкие собственники, которым так помогает декрет 7 октября, они являются врагами прогресса и республики»[622]. Имеется в виду принятый по инициативе коммунистов аграрный закон, который признал коллективизацию, но гарантировал и права частных собственников, которые не вошли в коллективы.

Город не мог удовлетворить запросы деревни в условиях войны, что делало неизбежным нарастание недовольства. Однако, в отличие от советской истории 1918–1933 гг., это не привело к существенным массовым выступлениям крестьян против анархистов, за исключением трех инцидентов (во всяком случае, только о них стало известно советскому консульству). В двух селах в результате крестьянских волнений и убийств анархистов коллективы были распущены[623]. Наибольшую известность приобрел третий инцидент — в феврале 1937 г. в небольшом селении Фатарелья между мелкими собственниками и анархистами произошло столкновение, крестьяне обезоружили анархо-радикалов, после чего анархисты прислали подкрепление и подавили сопротивление[624]. В результате этих событий шокированными оказались сами анархисты, НКТ и ФАИ прикладывали теперь усилия к тому, чтобы ничего подобного не повторилось (и это им удалось).

Эти события «по полной» использовались противниками анархистов для их компрометации. И. Эренбург иронизировал, что селение теперь называют «ФАИтарелия»[625]. Однако исключительность событий показательна. В заявлении по итогам Фатарельи 19 марта ФАИ выступила за свободный выбор формы землепользования, хотя и выразила уверенность, что при этом коллективизация будет преобладать[626].

Другим важным конфликтом стало «апельсиновое дело»[627]. НКТ и ВСТ создали в Леванте совет сельскохозяйственного экспорта и подготовили к вывозу за рубеж урожай, но из-за неблагоприятной международной конъюнктуры не смогла его продать. Когда апельсины, подготовленные на экспорт, начали гнить, правительство вмешалось. С согласия министра Х. Лопеса в начале 1937 г. был установлен правительственный контроль над внешней торговлей коллективов. Но крестьяне левантийских деревень Тульера, Альфара, Хатива и др. не желали упускать из своих рук экспортную продукцию и не допускали к ней правительственную комиссию. Правительство направило в район Кальера войска, им навстречу выдвинулась анархистская «Железная колонна». Произошли вооруженные столкновения, был провозглашен «фронт Виланеса». Конфликты произошли также в районах Сьюдад-Реаль и Альбасете.

После вмешательства НКТ обстановка разрядилась, и кооперативы сохранили право на экспорт своей продукции, которым, правда, не могли реально воспользоваться из-за внешнеэкономической конъюнктуры. Как видим, даже в случаях явных неудач профсоюзов в деле снабжения крестьянское самоуправление защищало систему коллективизации.

Решение о правительственном контроле над экспортом было лучше воспринято в Аликанте, Альмерии и Мурсии[628]. «Апельсиновое дело» скомпрометировало синдикалистов, но подтвердило — коллективы и профсоюзы оказались эффективными хотя бы в деле сбора урожая, что тоже немаловажно.

Массовую поддержку коллективизации и ее добровольный характер для большинства крестьян подтверждает и тот факт, что после поражения анархо-синдикалистов в столкновении с коммунистами в мае-августе 1937 г., когда никакой возможности применять насилие в отношении противников у анархистов уже не было, массовое движение аграрных коллективов продолжалось и даже расширялось.

В целом коллективизация дала хороший эффект и в масштабах всей страны. Положение с продовольствием весной 1937 г. заметно улучшилось, расширились посевные площади, что признавали и противники анархистов[629]. Успехи и неудачи конкретных коллективов зависели от их лидеров, но в целом движение, явочным порядком ликвидировавшее налоговый гнет, латифундизм и мелкое парцеллярное хозяйство, показало свою жизнеспособность.

Подводя итоги испанской коллективизации, отметим, что она имела мало общего с коллективизацией в СССР. Можно согласиться с мнением исследователя арагонского аграрного эксперимента Г. Келси о том, что «несмотря на воздействие войны, угрозу международных санкций и противодействие основных политических групп, республиканского правительства и даже Национального комитета НКТ, арагонские сельские

активисты нашли возможность в состоянии коллапса существующего социального и политического порядка организовать новое, демократическое общество»[630].

* * *

В результате преобразований в Испании, прежде всего в Каталонии и Арагоне, возник новый сектор экономики, качественно отличавшийся как от капиталистического, так и от государственного — прежде всего развитой системой самоуправления и участия труженика в принятии производственных решений. Отрицательное отношение анархистской доктрины к «демократии» как многопартийной парламентской системе не помешало анархо-синдикалистам распространить демократию на сферу производства. Опираясь на профсоюзные структуры, анархо-синдикалисты и левые социалисты сделали практический шаг к ликвидации отчуждения производителя от средств производства. Но это был только шаг.

На место диктатуры менеджера пришла власть коллектива в лице его актива (прежде всего профсоюзных вожakov из структуры НКТ) и почти религиозное воздействие анархистских лозунгов, противодействие которым могло рассматриваться как контрреволюция. Однако влияние идеологии, разделявшейся значительной массой рабочих, играло и мобилизующую роль, в том числе на производстве.

Эффективность производства в социалистическом (коллективистском, синдикалистском) секторе оценивают по-разному. Но она и была различной, так как коллективистская экономика сама по себе была весьма многообразной. По словам Г. Джексона, «где сырье было доступно, где рабочие были горды и умелы в обслуживании своих машин, где благоразумная часть персонала симпатизировала революции, фабрика работала успешно. Где сырья было мало, где не могли найти запчастей, где соперничество НКТ и ВСТ разделяло рабочих, и где политические цели ставились выше работы, там коллективные предприятия терпели неудачи»[631].

Синдикалистская экономическая модель существенно отличалась от капиталистической или государственно-социалистической экономики не только по формальным признакам, но и в конкретных экономических проявлениях, например — в реагировании на кризисные условия. Так, например, кризис сбыта из-за потери рынков приводил не к росту открытой или скрытой безработицы, а к уменьшению рабочего дня. Инвестирование шло прежде всего не в индустриальные, а в культурные проекты. Обеспеченное синдикатами снижение цен на билеты в учреждениях культуры привело к массовому притоку зрителей[632]. Благодаря революции многие рабочие и крестьяне впервые смогли посетить театр и кино. Количество детей, обучавшихся в школах Барселоны, возросло с июля 1936 г. по июль 1937 г. с 34431 до 116846[633]. Так закладывались основы культурного процесса, который даст результаты десятилетия спустя.

По словам Р. Фрезера, «несмотря на ошибки на практике, декрет о коллективизации (в Каталонии распространено мнение, что он повлиял и на послевоенный югославский эксперимент) остается революционным памятником промышленного самоуправления.

Несмотря на большие трудности, включая ожесточенную междоусобную политическую борьбу, рабочий класс Каталонии сохранил коллективизированное производство на протяжении тридцати месяцев войны»[634]. При этом, по замечанию В. Ричардса, «еще никто из критиков не сообщил, что кто-то умер от голода»[635]. Зато после свертывания анархо-социалистических реформ голод начался и с особой силой проявился при франкистах.

Однако модель самоуправления и производственной демократии, координируемой профсоюзами и полугосударственными общественными структурами, не устраивала представителей других политических сил. В 1937 г. это привело к резкому обострению политической борьбы в республиканском лагере.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 20:40:46

Зверобой обновил 5 мая 2025 20:45:40